

АЛЕКС Д

ИММОРТАЛИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЯВЛЕНИЕ «КУПИДОНА»

18+

Алекс Д
Имитация. Явление «Купидона»
Серия «Купидон», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43384891

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9647-9

Аннотация

С юного возраста Джером Морган оказался втянут в мир преступных корпораций и жил по жестким правилам, навязанным его новой семьей. Многочисленные следы трагических событий ведут Джерома к одной и той же загадке – таинственному препарату «Купидон», разработанному в засекреченных лабораториях корпорации, на которую он вынужден работать. Свойства «Купидона» разрушительны и фатальны в конечном итоге. Но изначально... они дарят имитацию абсолютного счастья. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	49

*Небо цвета поблекшего пепла.
Каждый миг может стать последним.
Холодно, хоть и по-прежнему пекло,
Нам не надо наград посмертных.
Лишь бы крепко обнять любимых
Под безоблачно-синей гладью.
Ради них сквозь огня лавину -
Пока жив, пока силы хватит.
Макс Лоренс*

Пролог

Россия. Ростов Великий. 27 ноября 1995 год.

Мама разбудила рано, за окном еще темнела ночь. Поспешно одела меня, повторяя, что нужно торопиться. Куда? Куда торопиться? – не до конца проснувшись, размышляя. Теплую кровать покидать не хотелось, еще меньше хотелось выходить в трескучий мороз на улицу. Тетя Тоня провожала нас до калитки, плакала, целовала мои лоб и щеки, поправляла шарф и варежки. А потом долго смотрела вслед, я махал ей руками и улыбался, не понимая, почему обычно веселая и улыбчивая тетя Тоня грустит. Мама кутала меня в теплый платок поверх курточки, покачивая при ходьбе, а я дремал в уютном тепле ее рук. Мы долго шли по деревне, через поле и небольшую рощу из заснеженных сосен, которые колыхались на ветру, стряхивая на землю свои белые шапки. Все происходящее казалось продолжением сна, который привиделся мне слишком длинной и холодной темной ночью. Я ощущал на себе приятную тяжесть одеяла и мягкую подушку под головой, и только мамино сердце совсем близко билось так громко...

Так оглушительно громко, надрывно. Бам, бам, бам. Открываю глаза, разбуженный, растревоженный. Бам... Бам... Оглядываюсь – не приснилось. Будила меня мама, одевала, тетя Тоня плакала. Идем куда-то. Торопимся... Куда?

Высовываю нос из теплых объятий, ветер пробирается за воротник. Ледяной, пронизывающий. Прячусь обратно, зябко жмусь. Мама чувствует, что я проснулся, обнимает крепче, защищая от холодных порывов.

– Уже близко. Скоро согреемся, – шепчет ее ласковый голос, белый пар поднимается от теплого дыхания.

Приподнимает меня повыше, тяжело вздыхая от усталости, но не останавливается, чтобы передохнуть. Идет быстрее. Я смотрю вперед, на белое здание вокзала, освещаемое равнодушно-ледяными солнечными лучами. Вижу людей, торопливо поднимающихся по ступеням к резным деревянным дверям. Они везут, несут, тащат чемоданы, тележки, котомки, а у нас ничего нет. Мама несет только меня и небольшую сумку, перекинутую длинным ремешком через грудь. Мороз застывает на ресницах серебристым инеем, но мамино дыхание согревает, и я безмятежно улыбаюсь, оглядываясь по сторонам. От размеренного покачивания в теплых объятиях, меня снова клонит в сон, но резкий гудок поезда прогоняет дрему.

Снег. Так много снега вокруг. Хрустит под ногами, кружится в воздухе, белыми мухами оседает на черном пальто мамы и ее светлых волосах, которые рвет ветер, бросая мне в лицо. Воздух дрожит, словно пронизанный серебряным светом; мерцают белыми искрами пушистые ветки запорошенных снегом сосен, расступающихся перед нами. Над крышей вокзала поднимается солнце. Холодное, бледно-желтое на

фоне серых облаков. Я обнимаю маму за шею, прижимаюсь к ледяной, влажной щеке. Она что-то бормочет себе под нос, одной рукой придерживая меня, а второй натягивает шапку на мою голову плотнее. Прислушавшись к ее нежному голосу, я узнаю считалку, которую мы используем, во время игр, в которых всегда только три участника. Я, тетя Тоня и мама.

Шесть-три, черепаха,
Два-четыре, пальмочка,
Пять на паруснике опять.
Уплывает вслед за ним,
Весь в полосочку дельфин.
Остаетесь ты один!

– Мы же не прячемся, мам, – говорю я, заглядывая в ее лицо, в прозрачные голубые глаза, задумчивые, грустные, немного испуганные.

– Мы едем домой, милый, – отвечает она.

– Но наш дом там, – возражаю я, показывая рукой в обратную сторону.

– Нет, Жень. Наш дом совсем в другом месте. Мы поедем в Америку. Тебе там понравится. Все будет хорошо. Никто нас не найдет, мой маленький. – Холодные губы целуют меня в кончик носа, и я вижу, совсем близко вижу ее лицо, мамина щека становится мокрой. Она плачет. Сначала тетя Тоня, теперь мама.

– Я не хочу в другой дом, – с тревогой говорю я, и она останавливается. Долго-долго смотрит мне в глаза.

– Нам нужно уехать, Женя. Ты же у меня большой мальчик. Ты все понимаешь. – Она порывисто прижимает меня к себе, и я замолкаю, уткнувшись носом в ее плечо. Мне становится грустно и горько. То, что мама плачет – плохо. Она никогда не плачет. Она весёлая, такая же, как тетя Тоня.

Мы заходим в здание вокзала. Тепло, шумно, иней быстро стекает с ресниц холодными каплями, щеки вспыхивают, отогреваясь. Мама оглядывается по сторонам, словно кого-то ищет, а потом, сажает меня в кресло, рядом с бабушкой в зеленом пальто и красном берете, стягивает на моей груди концы шерстяного платка. Мне не нравится находиться в шумном, многолюдном и незнакомом месте. Я хочу домой, в теплую кровать, к своим игрушкам, мягкой подушке и утренним творожникам со сметаной.

Вспомнив про любимый завтрак, я чувствую, как урчит в желудке. Мы не успели поесть с утра.

– Ты посидишь, а я отойду ненадолго? – мама ласково проводит ладонью по моей щеке, голос грустный, тихий. Поворачивается к бабушке в зеленом пальто: – Вы не присмотрите? Мне нужно билеты купить.

– Конечно, милая. Иди. Я отвлеку мальчика, – добродушно кивает старушка.

– Я на минутку, малыш, – Мама нежно улыбается мне, но глаза ее остаются грустными. Она нерешительно прижимает к себе сумку, переводя взгляд на большие окна вокзала, вздрагивает, а потом застывает. Ее руки дрожат, голубые гла-

за блестят, словно снова слезы на подходе, растерянно оглядывается по сторонам, кусает губы.

– Пожалуйста, присмотрите за моим сыном, – повторяет охрипшим голосом, обращаясь к старушке, и порывисто обнимает меня, целуя в щеку. Ее губы ледяные, словно до сих пор не отогревшиеся. От нее по-родному пахнет ванилью и корицей. Вкусно, сладко, как пирог, который мы еще вчера все вместе съели, а аромат остался, на волосах, на одежде. – Я очень тебя люблю. Больше всех люблю. Никуда не уходи. Дождись, маленький мой. Я... вернусь, – шепчет мама и уходит, сливаясь с толкущейся в зале ожидания толпой.

– И куда вы с мамой уезжаете? – добрым голосом спрашивает старушка, повернувшись ко мне и заглядывая в лицо. Я думаю о пироге и о творожниках, которые тетя Тоня без нас будет есть на завтрак, о слезах в голубых маминых глазах и об Америке какой-то загадочной.

– Домой, – отвечаю я, и, спохватившись, пытаюсь найти взглядом среди снующих туда-сюда тепло одетых людей с сумками и чемоданами стройный силуэт мамы в черном пальто. – В Америку, – добавляю с важным видом.

– В Америку? – удивленно переспрашивает бабушка. Улыбается, как маленькому и несмышленому. – Ты что-то перепутал, милый. Поезда в Америку не ходят.

Она хочет еще что-то спросить, но тут к нашим креслам подходят высокая женщина и мужчина с густыми усами и лысой головой. Называют старушку в зеленом пальто и крас-

ном берете «мамой» и уводят за собой. Поезд прибыл. В Москву поезда ходят. А в Америку нет. Почему?

Бабулька замешкалась, с беспокойством глядя на меня.

– Мне пора ехать, малыш. Ты дождись маму. Никуда не уходи. Хорошо?

Я киваю, улыбаюсь на прощание, машу рукой. Какая глупая бабушка. Куда я могу уйти без мамы?

Я жду. Жду. Время идет, а мама все не возвращается. Пассажиры один за другим поднимаются с кресел и уходят неизвестно куда. Садятся в свои поезда, которые никогда не приедут в Америку и умчатся прочь. Их места занимают другие. Суетятся, спорят, прощаются. Некоторые бросают на меня хмурые вопросительные взгляды, да так и проходят мимо. Торопятся. Некогда им остановиться, спросить, кого ждет этот мальчуган, закутанный в шерстяной платок, почему один и где его родители. А я нос варежкой вытираю и жду. Мама вернется. Она же обещала. И вдруг на меня накатывает страх. Потерялась, наверно! Ну, конечно же! Мы ни разу не были в этом месте и вообще никогда далеко не отходили от дома тети Тони. Только в магазин и аптеку. Или еще навещали тетю Тонию в школе, где она работает учительницей, и мы все вместе пили чай с пирогами в столовой.

Я стараюсь не плакать, глядя в лица всех входящих и выходящих через тяжелые двери людей. Точно потерялась! Что же делать теперь? Как найти? Неожиданно, среди поспешно покидающих вокзал, мелькнул силуэт в черном

пальто.

– Мама, я здесь! – кричу я, и выскакиваю следом. Такое же пальто, как у мамы, и волосы светлые из-под шапки выбиваются. Она! Она! Нашлась. Мамочка моя! Я бегу по снегу. Он хрустит, скрипит под ногами. Полная дама в шубе и солидный дяденька преграждают мне путь, поймав за воротник.

– Кто тут у нас такой шустрый? Мальчик, ты потерялся? Ты чей? – спрашивает дама в шубе, но я не смотрю на нее. Только вперед. Черное пальто, светлые волосы... Она оборачивается, и, вскрикнув, я закрываю лицо варежками. Ошибся. Не она. Сердце быстро-быстро бьется. Чужие руки держат за воротник.

– Надо позвать милицию. – Раздаётся над ухом. – Мальчишка один. Потерялся, наверное.

– Не один. С мамой. Я маму ищу, – кричу отчаянно, вырываюсь, шерстяной платок и одна варежка остается там, на дороге. Со всех ног бегу прочь, бегу так быстро, как могу. Холодный ветер обжигает лёгкие, изо рта вырывается белый пар. Я не разбираю дороги, хлопья снега летят в глаза, колот ледяными иголками. Сапоги проваливаются в сугробы почти полностью, снег попадает внутрь, забивается под теплые ватные штаны. Я замедляю бег, задыхаюсь. Мне страшно, страшно, что незнакомые люди догонят меня и увезут с собой, но еще больше боюсь не найти маму. Она же просила меня ждать. Я во всем виноват, убежал, не послушал. Что теперь делать?

Как вернуться обратно? В какую сторону? Сдерживая судорожные всхлипы, рвущиеся из груди, я оглядываюсь по сторонам. Меня оглушает внезапная тишина, нарушаемая только свистящими порывами ветра и моим хриплым дыханием. Белые сугробы и торчащие обледеневшие черные голые ветки, а над ними вороны, кружат, смотрят темными бусинами глаз... Страшно.

– Мама, где ты, – слабо шепчу я, горячие слезы обжигают глаза. – Я потерялся, – время от времени всхлипываю, продолжая идти наугад. Снег забивается в сапоги по самое голенище. Озябшая рука в кармане немеет. Бреду наугад, боясь остановиться хотя бы на минутку, боюсь обернуться и увидеть все то же бесконечное белое поле, стаи черных воронов над головой. В ушах стоит гул, я отчаянно пытаюсь вспомнить, с какой стороны прибежал. Не могу. Бросаюсь во все стороны. Никого. Ни одной живой души. Ни гудков поезда, ни шума вокзала. Сил совсем не остается, усталость берет свое. Оказавшись возле полуразрушенного сарая, я приседаю на кучу какого-то тряпья, прижавшись к стене. Дрожу от холода, трясусь всем телом, стучу зубами, продолжая угасающим голосом звать маму. Хрипло, едва слышно, пока не исчезают все звуки. Перед глазами мерцают белые точки, сливаясь в призрачный туман. Обледеневшие ресницы тяжелеют, и вдруг мне становится тепло и спокойно, как несколько часов назад – в уютных нежных объятиях. Ваниль и корица... Мне кажется, что она рядом, вернулась и обнимает

меня, согревая, укачивая, и я слышу ее голос, который повторяет нашу любимую считалку:

Шесть-три, черепаха,
Два-четыре, пальмочка,
Пять на паруснике опять.
Уплывает вслед за ним,
Весь в полосочку дельфин.
Остаешься ты один....

***

США, штат Иллинойс. Чикаго.

29 ноября 1995 г.

«Мой дорогой друг!

Спешу сообщить тебе, что я выполнил твое поручение, которое оказалось весьма хлопотным и сложным. Но результат должен тебя удовлетворить. Однако мне не удалось получить сведения о нахождении некой собственности, которую ты стремился вернуть. Я буду продолжать поиски, и рано или поздно они приведут к успеху.

Я передал твое послание, и, к сожалению, не получил ответа. Слишком эмоциональный момент, непростой. Это произошло быстро, с минимальными страданиями, и без последствий, которые могли бы побеспокоить тебя.

Мой дорогой друг, вся бюрократическая и юридическая сторона вопроса соблюдена, она вернется домой частным самолетом завтра в два часа дня.

P.S. Она была отважной и красивой женщиной. Никогда

еще задача не была для меня столь тяжелой. Надеюсь, мои моральные мучения будут достойно вознаграждены.

Твой верный слуга Р.

Глава 1

Россия. Ростов Великий. 1996 год.

– Почему именно этот мальчик? Он у нас совсем недавно и еще не до конца адаптировался. У вас могут возникнуть с ним сложности. Вы хорошо подумали? – крупная су-ровая женщина в сером шерстяном костюме, из-под которого выглядывала неопределенного цвета блузка, поочередно одарила потенциальных усыновителей пристальным взглядом. Когда им перевели ее слова, молодые супруги Спенсеры, приехавшие за приёмным ребенком из Америки, переглянулись и синхронно кивнули. Вежливо улыбнулись.

– Мы видели мальчика на прогулке, – произнесла Эмма Спенсер по-английски, прижимая к груди сумочку из мягкой бежевой кожи. Девушка-переводчица, скромно расположившаяся на выцветшей тахте у стены за спинами Спенсеров, быстро перевела сказанную фразу, но Антонина поняла и без нее. Стивен Спенсер обнял жену за плечи, нежно ей улыбаясь.

Лютаева Антонина Федоровна почувствовала легкое раздражение, глядя на явно небедствующих американцев, которых непонятно каким ветром занесло в их края. Документы в порядке, придраться не к чему, еще и крупный благотворительный перевод сделали. Все такие идеальные, чистенькие, с красивыми улыбками, но заведующую все равно что-то в

них настораживало. Она и сама не могла объяснить причины своей неприязни и недоверия. Патриотические ли чувства вызыграли или какой другой фактор...

Например, кремового цвета шелковое платье на Эмме Спенсер, сережки с бриллиантовым блеском, лакированные туфли из натуральной кожи и сумка в тон к ним. Или ее слишком красивый и высокий муж, смотрящий на супругу с откровенным обожанием? Потенциальные кандидаты на усыновление оказались красивой и гармоничной парой. Высокий светловолосый, атлетически-сложенный Стивен Спенсер с серыми глазами в дорогом темно-синем костюме и смуглая миниатюрная зеленоглазая брюнетка Эмма Спенсер с красивой улыбкой. Они разительно отличались от всех, с кем приходилось иметь дело Антонине Федоровне. Слишком все гладко, решила для себя Лютаева. А раз гладко, значит, нечисто.

– Ну, да. Да. На прогулке... – задумчиво проговорила Антонина Федоровна, опуская взгляд на анкету Ветрова Евгения, постукивая карандашом по деревянной столешнице. Провела рукой по пережжённым химией волосам, вздохнула, и снова окинула супругов суровым взглядом. Поджала накрашенные коричневой помадой губы, заметив с легкой завистью, что Эмма Спенсер практически не пользуется косметикой и выглядит, как девочка в свои двадцать семь лет. Детей своих нет и не будет, согласно легенде, которую они с мужем изложили.

– А, что у вас в Америке нет детских домов? – решилась-таки спросить Лютаева. Как только переводчик, которого Спенсеры привезли с собой, озвучил ее вопрос, взгляд Стивена Спенсера стал острым, холодным. Ага, подумала радостно Антонина, есть и в тебе чертовщинка.

Было заметно, что Спенсер не очень хочет отвечать на заданный вопрос. Он повернулся к невысокой полненькой девушке-переводчице, и быстрым бесстрастным голосом продиктовал свой ответ, который она тут же перевела:

– Почему же, нет? Но у нас гораздо сложнее пройти все процедуры усыновления. Я – полицейский, офицер. Это, как оперативник в России. Но даже этот факт не помог ускорить процесс. Мы пытались. Для нашей страны мой доход является более чем скромным. Моя супруга – медсестра в больнице. Мы – простые люди. А предпочтение, при принятии решения отдается более обеспеченным кандидатам. Мы могли бы ждать своей очереди еще несколько лет.

Антонина Федоровна снова кивнула. Она могла при желании прицепиться к незнанию родного языка выбранного усыновителями ребенка, но оказалось, что мальчик знал английский куда лучше, чем сама Лютаева. Его мать по документам русская, но, возможно, какое-то время жила за границей или собиралась уехать.

– Я сейчас приглашу Гридасову Инессу Игоревну. Она работает воспитателем в группе Жени, и расскажет вам об особенностях его характера и других нюансах, а после мы про-

водим вас в комнату, где вы сможете поговорить с мальчиком, – сухо изложила Лютаева. Девушка-переводчица быстро затараторила. Спенсеры закивали. – А сейчас прошу меня извинить. Удачи вам.

Антонина Федоровна быстро покинула свой кабинет, и ей на смену вошла высокая худощавая молодая женщина с длинной косой русого цвета, обернутой вокруг головы. Она скромно, немного смущенно улыбнулась. Эмма Спенсер с любопытством окинула изучающим взглядом необычную прическу. Они с мужем встали, чтобы поприветствовать педагога. После пожатия рук и официального знакомства, Инесса Игоревна еще больше стушеввалась. Она не осмелилась сесть на место заведующей, и так и осталась стоять, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Когда педагог начала говорить, то постоянно бегала взглядом с толстушки-переводчицы на супругов, не зная, к кому обращаться. Ситуация была для нее новая. Не каждый день в их детский дом приезжают иностранцы.

– Таня, скажи, чтобы она не волновалась. И говорила с паузами, чтобы ты успевала переводить, – улыбаясь Инессе, обратился Стивен к переводчице на английском. Когда Таня выполнила просьбу, Гридасова заметно расслабилась и заговорила уже более ровным и спокойным голосом, останавливаясь после каждой пары предложений. Спенсеры вслушивались в каждое слово, внимательно глядя на воспитателя выбранного ими мальчика. Выражения их лиц отражали выс-

шую степень заинтересованности. Им не было все равно, они переживали, и это настроило Инессу Гридасову лояльно по отношению к усыновителям.

– Женя попал к нам полгода назад. Поздней осенью. Его обнаружили местные жители недалеко от железнодорожного вокзала, – начала свой рассказ Инесса Игоревна. – Неизвестно сколько времени он провел один на улице. Мальчик сильно обморозился. Его сразу поместили в больницу. У ребенка обнаружили воспаление легких и сильное обморожение конечностей. Врачи сделали, что смогли, но пришлось ампутировать мизинцы на обоих ногах, и два пальца на правой руке. Я говорю об этом, потому что обязана предупредить об имеющихся физических особенностях. В нашем заведении есть много здоровых детей без изъянов. Мы пойдем, если вы передумаете.

Как только Таня перевала слова педагога супругам, Эмма Спенсер со слезами на глазах повернулась к мужу, схватив его за руку, он мягко сжал ее плечи и привлек к себе, что-то шепча на ухо. Инесса почувствовала, как у нее сдавило в груди. Они не передумают. Это читалось на их потрясенных лицах.

– Его мать нашли в километре от того места, где был обнаружен Женя. Согласно имеющимся у нас заключениям, причиной ее гибели стало самоубийство. Она бросилась под проходящий поезд. При погибшей обнаружили документы. В прописке был указан адрес в Ростове, но соседи ничего не

сообщили о женщине и ее ребёнке. Их никто ни разу не видел. Детский сад Женя не посещал, на учете в больнице не состоял. Его мать нигде официально не работала. Сведений об отце установлено не было. Мальчику повезло, что мимо сарая, возле которого его нашли, каждый день прогуливался со своей собакой один из местных жителей.

– Сейчас с ребенком все в порядке? – перевела Таня слова Эммы Спенсер, которая стирала белоснежным платком стекающие по щекам слезы.

– Да, в настоящий момент мальчик абсолютно здоров физически, – кивнула Инесса. В горле у нее стоял ком. История Жени Ветрова ее тоже очень затронула, и одно время она пыталась уговорить мужа забрать ребенка себе, но тот оказался менее сентиментальным. – Но с психологической стороны могут быть проблемы. Вы знаете, дети все по-разному привыкают к детскому дому. Поначалу, Женя совсем не говорил, постоянно плакал, сторонился других детей, не шел на контакт с педагогами. На вопросы, почему он плачет, Женя всегда отвечал, что у него потерялась мама, и ему необходимо ее найти. Когда спустя время он немного освоился и оттаял, то стал просить воспитателей помочь ему найти маму, неоднократно выбегал за ворота. Из отчета детского психолога можно сделать вывод, что у ребенка с матерью была очень сильная эмоциональная связь. Так бывает, когда другой социальной жизни у малыша нет. Она была единственным человеком, которого он знал. И все, что с ним случи-

лось, стало потрясением для детской психики. Он отказывался осознавать, что мама не придет, и настаивал на том, что если ему не позволят ее найти, то тогда он будет ждать, когда мама сама придет за ним. Я не должна вам этого говорить... Антонина Федоровна меня отчитает, – женщина сделала паузу, глубоко вздохнула, и продолжила. – Первые полтора месяца Женя отказывался от еды, почти не спал ночами, и все свободное время стоял у окна, высматривая маму. Это было душераздирающее зрелище. Потом наступили новогодние праздники, во всех группах проводили «елки». Это такие мероприятия с танцами вокруг рождественского дерева и подарками. Все детки очень радуются и ждут сладости или игрушки, которые получают взамен на стишки. Когда праздник проходил в группе Жени, он, как обычно, сидел на своем стульчике вдали от остальных ребят, в конкурсах не участвовал. Постепенно подарки раздали всем ребятам, кроме Жени. Дед Мороз, или Санта-Клаус по-вашему, сам подошел к мальчику. Малыш отреагировал странно. Он отказался от протянутой машинки в яркой упаковке и шепотом спросил у Деда Мороза настоящий ли он, а потом вернул машинку и сказал, что ему нужен другой подарок... – Инесса отошла к окну и выглянула во двор. Ее переполняли эмоции, на глаза набежали слезы. Она работала здесь всего два года и еще не выработала иммунитет к детскому горю.

– Не надо мне машинки. Верните мне маму. Она потерялась. Так он сказал, – воспитатель судорожно вздохнула. – Я

много видела здесь самых разных историй. И, конечно, все дети переживают, оставшись без родителей, но с такой настойчивостью я столкнулась впервые. Женя очень развитый мальчик, он знает хорошо английский язык, считает, читает, что само по себе удивительно. Ведь в детский сад он не ходил. Это целиком заслуга его матери. Если вы возьмете его, я вас очень прошу, сделайте так, чтобы он был счастлив. Не подведите его.

Инесса Игоревна посмотрела на Спенсеров. Они были откровенно потрясены услышанным. Эмма плакала на плече у мужа. Она что-то говорила ему, но Гридасова не понимала. Молодая женщина чувствовала, что эти люди по-настоящему заинтересованы в мальчике, и они искренни в своем желании позаботиться о нем, а это все, что сейчас имело значение.

Вцепившись в пиджак мужа, Эмма взволнованно говорила заплаканным голосом, заглядывая в его лицо. Её слова никто не переводил. Толстушка Таня стояла чуть поодаль и безучастно смотрела на носки своих коричневых туфель.

– Как они нашли ее? Как? Мне так жаль, Кеннет. Это мы виноваты.

– Говори тише, Эмма. Не мы, я. Ты ничего не знала. Мы все исправим. Мы увезем его. Мы все сделаем, что бы он забыл, – Спенсер отвечал более сдержанно, как и положено мужчине, но по напряженной линии челюсти и сжатым губам было заметно, какое сильное впечатление на него произвело

услышанное.

– Вы готовы встретиться с мальчиком? – спросила воспитатель, дав Спенсерам пару минут на обсуждение. Таня быстро перевела. Эмма вопросительно посмотрела на педагога.

– Мы можем говорить с ним по-английски? – спросила она. Инесса поняла и без перевода.

– Попробуйте поздороваться, а дальше посмотрим. Я должна предупредить еще кое о чем. В прошлом месяце Женеи заинтересовалась русская семья из Москвы, но он отказался с ними разговаривать и, расплакавшись, попросился обратно в группу. Поэтому будьте готовы и к такому варианту событий.

Услышав перевод, Эмма Спенсер заметно расстроилась и обеспокоенно взглянула на мужа. Он ободряюще улыбнулся жене, сказав:

– Все будет хорошо, он полюбит тебя.

Таня открыла было рот, но Инесса отрицательно качнула головой. Смысл этой фразы она тоже поняла без перевода.

Инесса Игоревна проводила кандидатов на усыновление в специальное помещение. Небольшая, чистая комната с аккуратно расставленными игрушками на стеллажах вдоль стен, диваном посередине, двумя мягкими креслами, круглым столиком с разложенными на нем письменными принадлежностями, карандашами и раскрасками. На полу линолеум с геометрическим рисунком, потолок покрашен белой краской, на окнах занавески в пестрый цветочек.

– Я сейчас приведу мальчика, – улыбнувшись, Инесса оставила супругов вдвоем.

Эмма бегло осмотрелась и присела на диван. Стивен поставил на столик пакет с заготовленным подарком, внутри которого находилась продолговатая коробка. Сняв пакет, мужчина сложил его и убрал в карман. Из коробки на него с задорной улыбкой взглянул персонаж комиксов Marvel – пластиковый Капитан Америка.

– Ты думаешь, в России знают, кто это? – спросила Эмма, бросив задумчивый взгляд на подарок. Муж присел рядом с ней и обнял за плечи.

– Неважно, – его губы легко прошлись по ее виску, согревая теплым дыханием. – Если будет нужно, мы расскажем или купим комиксы. Любые, какие он пожелает. Не волнуйся, Эм. Вот увидишь, ты ему сразу понравишься. Иначе и быть не может. – Еще одна ободряющая улыбка немного развеяла сомнения Эммы.

Когда Инесса завела мальчика в комнату, они оба поднялись ему на встречу, сверкая доброжелательными ласковыми улыбками. Он показался им очень трогательным, маленьким и очаровательным. В простых черных шортиках, голубой футболке с желтым утенком на груди, белых носочках и коричневых сандалиях. Темные кудри обрамляли серьёзное личико с яркими синими глазами, которые смотрели на них совершенно по-взрослому. Растеряно, оценивающе, вопросительно.

Воспитатель мягко подтолкнула его вперед, но он продолжал испуганно жаться к ее ногам. И тогда Эмма решилась на первый шаг. Она взяла коробку с Капитаном Америка, и, не переставая лучезарно улыбаться, подошла к мальчику. Он сделал еще шаг назад, в глазах мелькнуло беспокойство. Эмма присела перед ним и мягко взяла за руки. Ребенок напрягся, но не вырвался. Он изучал ее пристальным настороженным взглядом.

– Привет, я привезла тебе подарок. Ты хочешь посмотреть, что внутри? Мы приехали к тебе издалека. Из Америки. Ты знаешь, где это? – Эмма ласково улыбалась, пытаясь понять по выражению лица мальчика, понял ли он то, что она сказала. Когда в глазах ребенка появились слезы, ее сердце упало. Она подумала, что рассказанная ранее воспитательницей ситуация сейчас повторится и малыш убежит, отказавшись общаться с ними. Эмма внешне не показала своей паники, и, подвинув подарок к ногам Жени, продолжила:

– Это Капитан Америка. А меня зовут Эмма.

И тут произошло неожиданное. Мальчик отодвинул в сторону коробку и двумя руками обнял Эмму за шею, крепко прижавшись к ней всем своим хрупким тельцем. Она растерялась только на секунду, а потом крепко обняла его в ответ, целуя темноволосую макушку.

– Mummu, ты приехала, – на неплохом английском сквозь рыдания произнёс малыш. – Я так ждал тебя, а ты не приходила. Ты обещала, что мы поедем в Америку. Помнишь?

– Конечно, помню, милый. Мы поедem. Совсем скоро. Ты, я и папа. – Прошептала Эмма, поднимая полный слез потрясенный взгляд на Инессу Игоревну, которая была поражена не меньше остальных. Улыбка дрогнула на ее губах, глаза заблестели. Инесса из-за всех сил держалась, чтобы не расплакаться. Это было бы непeдагогично. Решение было принято, и все присутствующие это понимали. Инесса была по-настоящему счастлива за маленького Женю, за новую семью. И она знала, что никогда не сможет забыть эту историю, сколько бы ни прошло через ее руки малышей с их трагическими судьбами и слезами. На ее глазах только что свершилось чудо. Маленький мальчик попросил Деда Мороза вернуть маму, и его желание исполнилось. Мама нашла малыша сама.

– Ты хочешь познакомиться с папой? – продолжая обнимать Женю, Эмма Спенсер повернулась вместе с ним в сторону своего мужа. Глаза ее сияли радостью. Она говорила на своем родном языке, и малыш отлично ее понимал. – Твой папа – полицейский. Он герой, ловит злодеев и сажает их в тюрьму.

– Привет, Джером. Ты же не против, если мы будем называть тебя так? Готов открыть подарок? – бодро спросил Стивен, приседая рядом с мальчиком. Женя Ветров робко улыбнулся и кивнул.

Чуть позже, со всех сторон рассмотрев новую игрушку и выслушав краткую историю изучаемого супергероя, будущий Джером Спенсер, с гораздо более доверительной улыб-

кой спросил у Стивена:

– Ты победил злодеев, которые забрали маму, и вернул ее?

– Да, – ответил Спенсер по-русски. Глаза малыша засияли.

– Мама сказала, что ты герой. Такой же, как Капитан Америка?

– Я полицейский, малыш. Я не герой. Это просто моя работа, – сдержанно, но с улыбкой ответил Стивен. Однако мальчик ему не поверил. Задорно рассмеявшись, он тряхнул темными кудряшками и с заговорщически прошептал:

– Ты просто скромный. Все герои скрывают, кто они на самом деле. Я никому не скажу. Ты можешь мне доверять.

Глава 2

Сент-Луис, Миссури, США, 2007 год.

– Эби, это просто гроза, – и словно наперекор моим словам, раздаётся оглушительный, сотрясающий стены дома раскат грома, освещающая спальню Эбигейл вспышками молний. Удар ветра бьет в окно, распахивая его. Струи дождя мгновенно оказываются повсюду: на подоконнике, полу, и брызги летят на кровать Эби. Я подхожу к окну, закрываю его, и возвращаюсь. Она жметесь к стене, натягивая длинную сорочку с розовыми Микки-Маусами на колени, прижатые к груди; всхлипывает и прячет лицо в ладонях. Ей одиннадцать, но Эби жуткая трусиха. И у нее страхов есть весомая причина. В отличие от Гектора, брата-близнеца Эбигейл, я никогда не смеюсь над ней, когда во время грозы Эби забивается в угол и начинает дрожать, как тростинка до тех пор, пока стихия не успокоится.

Когда ей было семь, гроза застала нас с семьей в парке на пикнике, и молния ударила в шаге от нее, подпалив траву. Она тогда потеряла сознание, и все с перепугу решили, что разряд затронул и Эби. Пока ехала скорая помощь, она пришла в себя. Еще через год, на том же месте нас застало торнадо – тоже во время грозы. Оно не был сильным, раскидало посуду для пикника, подняло в воздух песок, мусор, кусочки травы и разный мусор. Самым неприятным в обычном для

штата Миссури явлении стало то, что Эби снова пострадала: на нее упала тяжелая ветка, которую оторвало от одного из деревьев в парке. Она получила ссадину на затылке, которая долго не заживала и воспалялась. И с тех пор грозы, сопровождаемые порывами ветра, стали ее личной фобией.

Я смотрю на подрагивающие плечи, на покрасневший маленький носик, и не могу сдержать невольную улыбку. Девочки такие чувствительные.

– Тебе нечего бояться. Дождь скоро закончится, а утром мы пойдем в зоопарк, и ты сможешь покормить Молли, – присев на краешек кровати, я мягко провожу рукой по заплетённым в косу темным волосам. – Мы не навещали Молли больше двух недель. Уверен, что она скучает по нам. Как думаешь?

Молли – это верблюд. Для меня до сих пор остается секретом, что примечательного нашла Эби в лохматой, вечно жующей Молли, недоброжелательно посматривающей по сторонам. Вот уже лет пять подряд при посещении зоопарка мы застреваем надолго возле вольера с верблюдом. И что самое удивительное, Молли заметно оживляется, завидев Эби, словно узнает ее. А на меня и Гектора у характерного верблюда наблюдается несколько иная реакция. Не желая становиться объектами для плевков, мы с Геком благоразумно стараемся держаться на безопасном расстоянии от своенравного животного во время визитов в зоопарк.

– Я думаю, что ты считаешь меня глупой трусихой, – Эби-

гейл убирает ладони от лица, и смотрит на меня заплаканными глазами. Эби похожа на мать. На Эмму. Те же выразительные малахитовые глаза, темные волосы и смуглая кожа. Даже когда Эби ведет себя, как заноза в заднице, я не могу на нее сердиться. Не могу послать куда подальше, когда перегибает палку, и встречается в мои личные дела. Эби вьет из меня веревки, иногда бесит до чертиков, изводит капризами; ходит попятам, как хвостик, или спит на уроках, а потом мне приходится делать ее домашнее задание, потому как Гектор еще более бестолковый, чем его сестра. Отец часто смеется, что близнецам достался один мозг на двоих. Я так не думаю; просто они ленятся, и у них есть я – старший брат, который поможет, направит, исправит, научит, разрулит, и, если возникнет необходимость, заступится. Иногда эта ноша меня раздражает и хочется передать другому, но еще одного старшего брата у нас нет. На самом деле мне не сложно, я люблю их.

Семья – это главное для человека. Его оплот, крепость. Мне семнадцать, но я знаю, о чем говорю.

– Эби, ложись спать. Гектор давно уже храпит. Представь, что гром – это храп Гека, и тебе полегчает, – пытаюсь шутить я. Гроза за окном постепенно затихает, монотонное накапывание дождя в окно расслабляет и укачивает. Я собираюсь посмотреть пару ужастиков в своей спальне, прежде, чем лечь спать. Эби послушно кивает, положив голову на подушку, я накрываю ее одеялом до самого горла. Так всегда

делала мама в детстве. Она каждый вечер заходила ко мне, чтобы пожелать спокойной ночи и поправить одеяло. А уже потом шла к близнецам. Сейчас я, вроде как, вырос, и, проходя мимо моей двери, она останавливается и говорит так, что не услышит только глухой: «не забудь выключить свет, и не торчи долго в интернете». Бывают такие дни, когда я хочу, чтобы она зашла. Стыдно признаться, и я никогда этого не скажу вслух. Вроде бы мама рядом, а мне ее не хватает.

– Джером... – Эби просовывает руку под подушку и ложится на бок, глядя на меня из-под опущенных, все еще влажных ресниц. – Помнишь стишок, который ты мне рассказывал в детстве? Я после него всегда засыпала.

Вздернув бровь, я улыбаюсь, хотя хочется рассмеяться.

– В детстве? То есть сейчас ты взрослая? – поддеваю я Эби.

– Перестань, Джером. Ты судишь меня по Гектору. Он идиот. Не могу поверить, что мы провели с ним девять месяцев в одной утробе. Мне нужно было задушить его уже там, – она хмурится, а я смеюсь.

– Тебе повезло, что вы разнояйцовые близнецы, иначе, глядя на него, каждый раз ты бы видела свое собственное лицо, – сквозь хохот замечаю я. Краем уха я улавливаю скрип шин на дороге, и замечаю блики фар, проникающие в окно. В вечернее время движение на нашей улице ограничено. Но я не придаю этому значения, и перевожу взгляд на сестру. Она продолжает что-то щебетать и заговаривать мне зубы.

Эби страшно и ее основная цель – не позволить мне уйти, как можно дольше.

– Кошмар, Гек слишком уродлив, чтобы быть моим братом, – Эби делает забавную гримасу, натягивая одеяло до самого носа.

– Так что со стишком? Ты помнишь?

– Конечно, – киваю я с улыбкой. – А ты? Давай проверим твою память?

– Да, легко! – задорно улыбается мне Эби. Ее голос больше не дрожит, а звучит звонко и уверенно. Четыре строчки про дождик рассказаны слово в слово.

– Удивительно просто. Феноменальная память – смеюсь я, и она ударяет меня по плечу.

– Издеваешься? – и мы хохочем вместе. До коликов в животе и ломоты в скулах.

– Теперь я точно не усну, – задыхаясь от смеха, говорит Эбигейл. А через пару секунд спрашивает уже совершенно серьезным голосом. Ее вопрос вгоняет меня в ступор. Слишком резкий переход. – Ты собираешься жениться на нашей соседке?

– С чего ты взяла? Какая женитьба в моем возрасте? – пытаюсь отшутиться я.

– Я говорю не про сейчас и не завтра. А вообще. Мама с папой не знают. Я им не говорила, что ты бегаешь к ней по ночам. Она клевая, Джером. Я не осуждаю тебя. И Гек говорит, что у нее шикарные сиськи. Он как-то видел, как

она загорала на своём балконе.

– Откуда... – начинаю я и замолкаю на полуслове, встретив выразительный насмешливый взгляд Эбигейл. – Ты меня выследила. Снова. Эби! – раздраженно шиплю я. Пора проучить маленькую сумасбродку и хорошенько всыпать ей. Но еще больше вопросов вызывает Гектор с его замечаниями. Я невольно вспоминаю бирюзовые глаза своей соседской девчонки и другую, не менее привлекательную часть тела, которую, похоже, видел не только я. Отец пришел бы в ужас, подслушав наши с Эби разговоры. Он не раз просил меня держаться подальше от дома Уокеров, которые переехали на нашу улицу два года назад из Рокфорда. Они купили дом по соседству, раза в три больше нашего. Уокеры, как мне известно, занимаются торговлей, у главы семейства имеется свой офис и пара магазинов в Даунтауне. Однако, несмотря на многократные попытки, соседям так и не удалось сыскать доверия моего отца. Он вообще очень осторожно относится к людям. В нашем доме почти не бывает гостей. Исключение составляют коллеги папы по работе с семьями и пара маминых подруг.

– Я наблюдала не за тобой, а за ней. У нее такие волосы, – Эби мечтательно улыбается. – Белые, словно снег, и длинные. Как у принцессы, и сама она, как... Рапунцель.

– Кто? – блаженная улыбка, вызванная воспоминаниями о соседке, сползает с моего лица.

– Не парься. Все равно не знаешь, – небрежно машет ру-

кой Эби. – Если будете жениться, я хочу быть подружкой невесты. Так что жди, пока я вырасту. Лет пять жди.

– Договорились, детка. Мне спешить некуда. Я замолвлю о тебе словечко перед Распунцель. – Торжественно обещаю я, все еще думая о своей подружке, которая сегодня неожиданно отменила свидание, и мне пришлось провести вечер за просмотром фильмов, в компании вечно дерущихся близнецов. Не то, чтобы я жаловался...

– Рапунцель, – поправляет меня Эби. Взрыв хохота перекрывает очередной раскат грома. Ее глаза искрятся от смеха, и она, кажется, совершенно забыла о своих фобиях, а, значит, можно потихоньку сваливать. Что я и собираюсь сделать.

Не спеша, встаю с кровати, замечая мгновенно потухший взгляд трусики Эби.

– Ты можешь оставить свет включённым, если боишься, – предлагаю я стопроцентно-работающий вариант избавления от страхов.

– Я никогда не выключаю ночник. Иногда и телевизор всю ночь работает, – отзывается подавленным голосочком Эбигейл. Она наигранно горько вздыхает, метнув в меня несчастный взгляд. В детстве мне приходилось по несколько часов сидеть с Эби и Геком, читая им перед сном. Я сам еще был ребёнком, но близнецы младше меня на шесть лет, и обязанности старшего брата никто не отменял. Мама рано вышла из отпуска по уходу за малышами. Она работала мед-

сестрой в больнице, и частенько возвращалась к полуночи, а няню отпускали около девяти вечера. А дальше наступало мое время. До прихода отца или матери.

– Почитай учебник истории. Это поможет тебе уснуть, – советую я. Хмыкнув, Эби прячет улыбку. Я прекрасно знаю, что она ненавидит историю, как и другие предметы, которые требуют запоминания и зубрежки.

– Доброй ночи, Эби, – мягко произношу я, протягивая руку, чтобы открыть дверь.

В следующее мгновение мы оба вздрагиваем. Из гостиной, находящейся прямо под нами, доносится резкий звук, похожий на удар двери о стену. Эби тоже слышит, и улыбка гаснет на ее губах. Мы молча смотрим друг на друга, растерянно застыв.

То, что произошло дальше, стало для меня на долгие годы жутким ночным кошмаром, избавиться от последствий которого я так и не смог. *Это был закат эры супергероев, которыми я грезил в детстве. И начало новой жизни, в которой мне предстояло стать частью той неистребимой силы, с которой много лет боролся мой отец.* Меня безжалостно и грубо выдернули из состояния беспечной спячки и бросили в реальность, о которой я не имел не малейшего представления. Я не мог сопротивляться, не мог остановить движение несущегося на меня локомотива. Механизм был запущен, отчет пошел на минуты.

Но, тогда, в первые секунды, я еще не подозревал, чем все

закончится, во мне еще жили наивные бредни о том, что нас есть кому защитить.

События развивались быстро, непредсказуемо, необратимо. Внизу раздался топот ног, приглушенные грубые мужские голоса, сдавленный крик матери. Меня охватил озноб, потом сразу жар, голова закружилась, пульс забился со скоростью света. Я знал, что папа с мамой находились в гостиной – в это время они обычно смотрели телевизор. Глухой звук заставил нас с сестрой содрогнуться от страха, мы даже дышать перестали. Эби смотрела на меня с ужасом. Смертельно-побледневшая, словно белое полотно. После минутного затишья снова раздался хриплый возглас отца, гневные крики, звуки ударов, плачь матери, грохот падающей мебели.

Эбигейл вскочила с кровати и прижалась ко мне. Ее трясло, меня тоже, но я пытался держаться.

– Что это, Джером? – пискнула она, и я приказал ей молчать, приложив указательный палец к своим губам. Мы оба тяжело и быстро дышали, чувствуя, что происходит нечто ужасное. Прямо сейчас. Я заглушил инстинктивное желание ринуться вниз. Мне необходимо позаботиться о младших брате и сестре. Отец справится. Мой отец – несокрушимая скала. Гроза неблагополучных улиц Сент-Луиса. С ним не связывались даже банды криминальных районов. Он – блюститель порядка, сержант местной полиции, десять лет отработал офицером на улицах, был дважды ранен. Он и сейчас в

прекрасной форме, хотя последние два года не патрулирует криминальные районы. Мой отец – герой, и я в этом никогда не сомневался.

– Ничего не говори, – схватив Эби за руку, я потащил ее к двери, стараясь двигаться бесшумно. Надо вызвать полицию, мелькнула в голове здравая мысль. Мы вышли в коридор. Шум шагов на лестнице заставил меня ускориться. Кто-то поднимался на второй этаж. Я затолкнул сестру в комнату Гектора, который тоже уже не спал, и в ужасе смотрел на нас. Паника не лучший друг в критических ситуациях, но у меня дрожали руки. Я не знал, что делать, и оставалось только надеяться, что отец сможет защитить нас. Никто не может так просто ворваться в дом полицейского. Наверняка наряд уже выехал. Нужно просто спрятаться и переждать. Я запер дверь спальни Гектора изнутри. И, достав из кармана мобильный, набрал 911. Соединение еще не установилось, когда дверь слетела с петель от удара ноги. Два огромных темнокожих незнакомца ворвались в комнату. Один схватил Гектора за шкуру, словно котенка, поднял с кровати и швырнув на пол. Второй выбил из моих рук телефон и раздавил, сверкнул яркими белками на фоне темного лица. Эби закричала, и тот, что стоял над рыдающим на полу Гектором, грубо схватил ее за волосы, дернув назад так сильно, что она упала прямо на брата.

– Что вы делаете! Они же дети! – инстинкт самосохранения не сработал, и я бросился на верзилу, поднявшего руку

на Эби. Тот недолго думая ударил меня в лицо, и я отлетел назад, ударившись затылком о стену. Зашкаливающий адреналин не позволил почувствовать боль. Или бандит специально бил так, чтобы испугать, а не искалечить. Эби зарыдала в голос, умоляя отпустить нас, и второй бугай влепил ей пощечину, от которой ее голова дернулась в сторону. Она затихла, вздрагивая от немых рыданий, волосы растрепались, рассыпавшись по плечам. Эби подняла голову и посмотрела на меня полным отчаяния взглядом. Я увидел кровь на ее лице и от собственного бессилья и глухой ярости закрипел зубами. Я мог дать им сдачи, мог попытаться защитить близнецов, но меня что-то останавливало. Внутренне чутье подсказывало, что сделаю только хуже, если мы будем сопротивляться.

– Тащим щенков вниз. Там разберемся, кто из них нужен Моргану, – рыкнул обидчик Эби. Он схватил ее за волосы, а Гектора за футболку на спине и поволок за собой. Второй резко рванул меня за олимпийку, заставив встать, и тут же мне в бок уперлось что-то холодное. Опустив глаза, я увидел дуло пистолета. Мое сердце пустилось в галоп, на спине выступил холодный пот. Да, мне было страшно, но этот страх был заряжен яростью, которую я впервые ощутил в себе в бешено зашкаливающей консистенции. Эби выглядела не старше десяти лет, совсем девочка. Маленькая, тоненькая. Что за звери способны поднять руку на ребенка?

– Сам пойдешь? – криво усмехнувшись, спросил тот, что

держал пистолет у меня под боком, обнажив крупные неровные зубы. Мне хотелось плюнуть ему в лицо. Он был не намного выше меня, и пусть я уже в плечах и не такой мощный, но мне есть, что противопоставить его физической форме. Станет ли он стрелять? Зависит от полученного приказа. Если это грабители, то они уйдут, как только получают все, что им нужно. Воры же не стреляют в людей? Нет? – Или тебе помочь, парень?

Я коротко кивнул, сделав шаг вперед. Во рту пересохло, я тяжело сглотнул.

– Быстрее, сучонок, – рывкнул верзила, подтолкнув меня пистолетом в спину.

Я шел и смотрел перед собой. В голове не было ни одной мысли. Только стойкое ощущение нереальности, абсурдности происходящего. В нашем районе, славящимся своей безопасностью, такого просто не может происходить. Здесь не стреляют, не вламываются в дома, не грабят. Да, я знаю, что город печально известен высокими показателями преступности, но не здесь, не в моем районе. Мы живем на закрытой охраняемой улице. Вокруг стриженные газоны, аккуратные скромные домики, соседствующие с откровенно-шикарными коттеджами, в которых живут благопристойные американцы, одержимые утренним фитнесом. Как эти ублюдки просочились сюда незамеченными? Что им нужно?

Мой отец сержант полиции, снова и снова повторял себе я. Он посадил за решётку десятки таких отморожков, как тот,

что тащил Эби за волосы. Она упиралась руками и ногами, всхлипывала от боли, хваталась руками за перила лестницы, ведущей в гостиную. Гектор подавленно молчал, он находился в шоке, практически не сопротивлялся. А я все ждал звука сирен полицейских машин или появления отца с пистолетом в руке. Я знаю, он бы смог уложить отморозков в два счета. И я тоже мог попытаться, но папа всегда говорил, что прежде чем начать махать кулаками, необходимо оценить ситуацию и всевозможные риски, а только потом уже выбирать тактику и действовать. *Самая большая ошибка, по словам отца – недооценить врага и переоценить собственные силы.*

Я выучил наизусть все его уроки. Отец учил меня драться; начал тренировать еще в раннем детстве и к семнадцати годам я овладел несколькими восточными боевыми искусствами. Заниматься было не в тягость, я не заставлял себя. Мне нравились наши тренировки. Они закаляли характер и силу воли, делали моё тело выносливым, крепким, подвижным. Но больше всего я ценил не то, что получал в итоге, а внимание отца; его уважение и похвалу, гордость, которая светилась в светлых глазах, когда он наблюдал мои успехи. Однако тогда я не понимал, почему отец выбрал именно меня для ежедневных выматывающих занятий в спортзале, который оборудовали мы с ним, вдвоем, своими руками. Гектора он даже не пытался тренировать, да и тот не особо рвался. Мысль о том, что отец готовил меня к чему-то или пытался защитить, никогда не приходила в голову. Я считал себя

особенным, избранным... Я ошибался. Частично. *Меня действительно избрали*, но вовсе не для того чтобы я пошёл по стопам отца и стал полицейским, сражающимся с разгуливающей по улицам города преступностью.

Мне была уготована другая судьба. Лучше бы отец сказал правду в самом начале. Я бы не растерялся так сильно, когда этот день настал. День, когда все изменилось... Когда все мои представления о героизме, храбрости, отваге и справедливости рухнули в одночасье. Капитан Америка – кумир многих мальчишек по всему миру, существовал только на страницах комиксов, но для меня в мои пять, шесть, семь и даже десять лет он был настоящим. Я видел его каждый день, когда бежал навстречу возвращающему со службы отцу. И совсем другой – сверкал белозубой американкой улыбкой с экранов телевизором и обещал, что избавит этот мир от любой мерзости. Я не знал тогда, что мы находимся с ним по разные стороны. И мне никогда не суждено стать героем.

Но надежда, отравляющая и не убиваемая надежда заставляла видеть происходящее в искаженном свете. Пару минут. Надо потерпеть пару минут и все закончится. Эти люди перепутали адреса, они пришли не туда и не к тем. Как только ублюдки выяснят, что ворвались в дом к полицейскому, они уйдут, сбегут, поджав хвосты, но пощады не будет. Отец и его опергруппа найдут каждого и накажут по всей строгости закона.

А потом я услышал голос. Твёрдый, спокойный, в какой-то степени даже умиротворённый, но источающий ощущимую угрозу:

– Вот и детишки, Кеннет. А ты говорил, что вы вдвоем дома.

Я не мог рассмотреть говорящего. Обзор мне закрывала широкая, состоящая из горы мышц, спина афроамериканца, грубо тащившего за собой Эби и Гека. Чувствительность начала возвращаться и запульсировала болью с правой стороны лица. Какого хрена он называет отца Кеннетом, мелькнула запоздалая мысль. Его точно перепутали с кем-то другим. Это недоразумение. Ошибка. Я даже на долю секунды позволил себе расслабиться.

Эби и Гектора отпустили, грубо толкнув к стене, и приказав сидеть тихо и не подавать голоса, а я все еще чувствовал вжатое мне в спину обжигающе-ледяное дуло. Облегчение было не долгим. Все надежды на чудесное спасение рухнули, когда я увидел своего мужественного несокрушимого отца в наручниках. Его лицо было разбито и перекошено, под правым глазом образовалась синеющая гематома, с уголка губ и из носа сочилась кровь, обильно поливая серую рубашку. Он сидел на полу в центре комнаты, вытянув перед собой ноги. Прямо над ним возвышался еще один огромный верзила. Белый. Я только сейчас заметил, что все они были одеты в деловые костюмы, словно явились на переговоры. Это не были парни из гетто...

– Вот скажи мне, Кеннет, ты, правда, думал, что я тебя не найду? Или тебе так не терпелось прижать меня, что о семье ты беспокоился в последнюю очередь? – спросил все тот же голос.

Мой взгляд метнулся от отца к матери. Она, сгорбившись, сидела на стуле, напротив мужа. Лицом к лицу. Маму специально посадили так, чтобы папа видел, как ей больно и насколько страшно. Ее руки были зафиксированы сзади и перемотаны скотчем. Она безмолвно плакала, опустив голову.

– Мама, – сипло позвал я. Она услышала, вздрогнула, подняв голову, закусила губу. На ее лице не было следов побоев, только дорожки от слез. В зеленых глазах отразились боль и страх, страх за нас. Только за нас. Я знаю, что собственное спасение сейчас волновало ее меньше всего. Перед глазами всплыло давнее воспоминание о том, как увидел Эмму Спенсер впервые. Она была воплощение мечты об идеальной матери, а отец – вылитый Капитан Америка. Они стали моими героями и научили меня не бояться холода и темноты, они дали мне больше, чем дом и еду, они дали мне семью, любовь и ощущение безопасности, в которых я прожил последние двенадцать лет.

Я еще не знал, кто эти люди, решившие, что время мира подошло к концу, но осознание того, что ничто не останется прежним, постепенно укреплялось в моей голове. Я чувствовал, что стаю на краю пропасти, и вот-вот полечу вниз с огромной высоты.

– Семнадцать лет, Кеннет. Чертовски большой срок. Но ты недооценил мои связи. Мое пожизненное заключение закончилось раньше, чем ты предполагал, – хмыкнул мужчина, в расслабленной позе восседающий в кресле, привлекая к себе мое внимание. Я перевел на него взгляд и ощутил, как все внутренности сжались, парализовав мышцы. Не осталось никакой надежды на случайность или ошибку. Ублюдки пришли туда, куда хотели.

Я видел его... этим утром.

Возле моей школы. Я выходил из ворот, когда обратил внимание на чёрный Ягуар, возле которого стоял мужчина, сверлящий меня тяжелым взглядом. Я прошел мимо и направился к остановке, несколько раз обернувшись на высокого незнакомца в элегантном костюме глянцево-черного цвета. Небрежно прислонившись к капоту красивой и дорогой машины, мужчина неотрывно смотрел на меня. У него не было возраста. Он источал власть, роскошь и силу. Поджарое телосложение, ледяной взгляд и тяжелая подавляющая самоуверенность, от которой бросало в дрожь. Я почувствовал исходящую от незнакомца опасность уже тогда, и прыгнул в первый попавшийся автобус.

И вот он здесь. В том же безупречном костюме. С тем же пронизывающим до костей взглядом. Он не гангстер, не бандит. Он страшнее, опаснее. Это зверь, безжалостный убийца, замаскированный под цивилизованного человека, но пришел он сюда не договариваться и не вести деловые перегово-

воры. Он пришел требовать и убивать.

И когда его синие глаза остановились на мне, меня охватило мрачное предчувствие, что появление этого человека и его головорезов как-то связано со мной. *Я привел беду в свой дом.* Я не знал, откуда взялась эта уверенность, но чем дольше я смотрел в приобретающие фиолетовый оттенок глаза мужчины, тем больше понимал, что мои предположения не плод охваченного паникой воображения.

– Ты не похож на мать, – неожиданно обратился ко мне «синеглазый» вкрадчивым, обманчиво-ласковым тоном. Я перевел взгляд на всхлипывающую маму, и он заметил. Лицо его потемнело, губы скривила грубая ухмылка. – Не на эту мать. Они же сказали тебе правду, Джером?

– Он знает, что мы не его биологические родители. Никто не скрывал от него этого, – подал голос отец. Огромный амбал в костюме ткнул дуло пистолета ему в висок.

– Молчать, пока тебя не спросили, – рявкнул он.

Я задержал дыхание, внутри полыхнула ярость. Дёрнувшись, я попытался вырваться, но получил ощутимый удар по ребрам. Не согнулся, выстоял, но боль на несколько секунд буквально подкосила и ослепила меня.

– Тише, Карлос. Пусть говорит. Мы так давно с тобой не беседовали, Кеннет. – продолжил незнакомец, подняв руку ладонью вперед в небрежном жесте, и тот, кого называли Карлос, отступил на шаг в сторону. – Я вижу, что ты не рад меня видеть.

– Как тебе удалось выйти раньше срока? – спросил отец.

– Всегда есть варианты для того, кто ищет. Я заключил сделку с твоим бывшим боссом. Сдал ему несколько главарей банд, лютующих в Чикаго. Ты же не думал, что после моего ареста жизнь в твоём городе сразу изменится к лучшему? Кстати, мне понравился Сент-Луис. Хуже, чем Чикаго, меньше, но я оценил твой выбор. Неплохой город. Я намерен обосноваться здесь. К тому же я собираюсь вернуться в бизнес. Легальный бизнес. Не успеешь оглянуться, как мэр города начнет приглашать меня на свои семейные праздники. Тебя некому защитить тут, Кеннет.

– Ты не убьешь меня. Не посмеешь, – яростно прорычал отец. – Это будет означать войну. Все твои договорённости потеряют силу.

– Я и не собирался убивать тебя. Зачем? Я не для этого ждал долгих семнадцать лет. Ты не хочешь спросить меня, как я тебя нашел... и когда? – темно-синие глаза опасно сверкнули. Мужчина сжал подлокотники кресла, не сводя с отца торжествующего острого, как кинжал, взгляда. Хладнокровный ублюдок упивался ситуацией, получал удовольствие от каждого мгновения. Меня охватило отчаяние и безысходность. Сверху доносился грохот, и я понял, что там орудуют люди самоуверенного незнакомца, восседающего в кресле. Трое головорезов внизу, сколько на втором этаже неизвестно. Соппротивление бессмысленно. Это крах.

– Иди к черту, Кертис, – выплюнул отец. – Мне плевать.

Отпусти детей и мою жену. Решим вопросы один на один. По-мужски. Они тут не причем.

– Считаешь меня идиотом? – ухмыльнулся «Кертис». Расслабленно откинулся назад, скользнув взглядом по разбросанным по гостиной вещам, перевёрнутой мебели и разбитой посуде на полу. – Они останутся. Это даже не обсуждается. Давай к делу. Ты знаешь, зачем я пришел?

– Я ничего тебе не должен! – сплюнув на пол сгусток крови, прохрипел отец. – Это была честная сделка. Дайана сдала мне тебя, я помог ей скрыться. Я не нарушал закон. Ты был виновен и получил заслуженное наказание. Зачем ты убил ее, Кертис? Она просто спасала свою жизнь. У нее не было другого выбора, и ты это прекрасно понимаешь.

– Я убил? – Кертис изумленно вскинул брови, наклонившись вперед. – Ты забываешь, что я сидел в тюрьме, когда Дайана погибла. Мы оба знаем, кому была выгодна ее смерть. Верни мне то, что она взяла, Кеннет. Я уверен, ты знаешь, что я имею в виду. – тон его голос изменился. В нем преобладали металлические нотки, означающие, что время переговоров подошло к концу.

– О чем ты говоришь? – отец вскинул голову, одним глазом (второй полностью заплыл) глядя на невозмутимого виновника творящегося сейчас беспредела.

– Дайана ушла не с пустыми руками. Пять миллионов долларов. Именно такая сумма была в исчезнувшем дипломате во время задержания, – чеканя каждое слово, ответил Кер-

тис. – И кое-что еще.

– Это твои фантазии. Во время задержания, кроме изътой партии наркотиков и личного оружия в конфискационном списке ничего не было, – яростно возразил отец, и я верил ему, в отличие от его оппонента.

– Деньги были, – настаивал Кертис. – Их взяла Дайана. И передала тебе. Она не могла вывезти из Штатов пять миллионов зеленых наличными. Я вычту из этой суммы пятьсот тысяч, ты все-таки воспитывал ее убудка.

– Как ты смеешь так говорить... – зашипел отец, его лицо исказила злоба и ненависть.

– Я называю вещи своими именами, – невозмутимо парировал Кертис.

– Джером не вещь.

– Нет, но он убудок. Хочешь поспорить? С парнем я разберусь сам. Верни деньги, Кеннет. Верни мне все, что эта сука украла у меня.

Прищуриив потемневшие глаза, синеглазый подонок какое-то время рассматривал моего отца, раздумывая о чем-то своем.

– Если тебе есть, что еще мне предложить..., – холодно начал он, небрежно поправляя галстук. Его пристальный взгляд был прикован к лицу отца. – Что-то более важное, чем пять миллионов, то я готов забыть о деньгах. Подумай хорошенько, чем бы ты мог меня заинтересовать, Кеннет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.